

Мст. газ. - 1989. - 21 июня (№25). - с. 8

Григорий ЦИТРИНЯК

ВЕРТИНСКИЙ вернулся в Советский Союз в 1943 году. Если говорить о времени Великой Отечественной и фигурах такого класса — единственный из всей эмиграции. Знал ли он, что возвращается в страну, где «железная воля» ее вождя Иосифа Сталина навсегда освободит человека от проклятых навыков и предрассудков прошлого? (М. Горький, 1935 г.)? Понимал ли, что может случиться?

Как известно, горы — результат сдвига гигантских тектонических плит. Но и сдвиги социальной тектоники порой рожают Гималаи — трупы. Кажется, возведи очи горе — вот они, черепа и кости, опустят очи долу — реки крови. Можно не увидеть такое? Этот вопрос давно не давал мне покоя.

С одной стороны, о «первой в мире Стране Советов» были благостные отзывы Лиона Фейхтвангера, Романа Роллана (в дневнике, для себя, он писал иное), Анри Барбюса, посла США Джозефа Э. Девиса, Бертольта Брехта и еще многих; даже Уинстона Черчилля ввели в заблуждение.

Но ведь, с другой стороны, многие и разоблачали то, что происходило: бывший разведчик В. Кривицкий, бывший посол СССР в Греции А. Бармин, бывший командующий Балтфлотом Ф. Раскольников и другие. На глазах у всех исчезали знаменитые политические деятели, ученые, инженеры, писатели, маршалы, генералы. И что же? Вот свидетельства:

ВОПРОС: В довоенном Шанхае вы знали про 37-й год?

В. ВАЛИН (артист, долго работал за рубежом, вернулся в 1948 году). Знали и не верили. Западные газеты обычно так иснажили все события в СССР, что нам казалось: про репрессии все выдуманно.

ВОПРОС: Вы ведь знали, что в 1943-м едете в сталинскую Россию?

Л. ВЕРТИНСКАЯ, вдова артиста. Что в сталинскую? Нет.
В. И. о репрессиях не знали?
Л. В. Нет. Надо же понимать: там совершенно другая жизнь — богема.
В. Но процессы тридцатых, расстрелы...
Л. В. Ничего, ничего мы не знали.

Н. ИЛЬИНА, жившая до войны в Шанхае, пишет: «Меня тянуло к России, но о том, что там делается, я почти что не имела понятия».

Оседлованный **РОЙ МЕДВЕДЕВ** пишет о зарубежье: «Никто не знал тогда о подлинном размахе террора».

Н. БЕРБЕРОВА в только что опубликованной в «ЛТ» (17 мая) беседе, рассказывая о процессах (1949 года в Париже) В. Кравченко, попросившего в 1944 году политическое убежище в США, вспоминает, что и прокурору подходили люди, являлись говорить правду и принимались уверять, что никаких лагерей в СССР вообще не существовало, «и самое ужасное, что большинство находящихся в зале верили этим адвокатам Сталина...»

В июне 1967 года мне довелось разговаривать с С. А. Виноградовым, бывшим послом во Франции, только что из значимым в Египет. Странную вещь сказал мне тогда Сергей Александрович: в Париже он уговаривал князя Феликса Юсупова побывать на Родине, а тот отказывался — боялся, что его будут судить... за убийство Распутина.

Видно, сбылось древнее пророчество: «слухом услышите, и не уразумеете; и очами смотреть будете, и не увидите».

И все-таки, думаю, даже если бы и знал Вертинский обо всем, все равно вернулся бы — не раз читали мы в последние годы, что люди, не знавшие за собой греха, верили, что минет их за то смертная чаша. Да и было нечто, чему противиться давно уже не было сил: русский человек тосковал по России, артист — по публике, говорящей на одном с ним языке.

ПЕСНИ писались где придется: на пароходах в Средиземном море и в Атлантическом океане, в Палестине и на Гавайских островах, в Париже, Нью-Йорке, Бухаресте, Варшаве, Шанхае... Есть мало свидетельств, как они рождались, но одно стоит привести. Уже никто, наверное, не узнает, как пришел к песне Вертинский, но внешне все выглядело достаточно просто. Однажды на пляже он сказал Валину: «Валя, постойте, я кажется, нашел образ... — он посмотрел на набегавшие волны и медленно произнес: — Отлив лениво ткёт по дну узоры пенных кружев...»

То был знаменитый «Прощальный ужин». Есть косвенное указание на то, что песня была написана именно в Китае: в сборнике Вертинского «Песни и стихи 1916—1937», вышедшем в 1937 году в Шанхае и содержащем пометки автора (на титуле собственноручная надпись: «Экземпляр по исправлению А. Н. Вертинского»), «Прощального ужина» нет.

Между прочим, В. Валин рассказывал о встрече в Шанхае «двух великанов»: в 1935 году он привез А. Н. в шанхайскую гостиницу «Палас», где остановился приехавший на гастроли Шаляпин. «Надо было видеть, какими влюбленными глазами Шаляпин смотрел на Вертинского. Он без конца брал его за руку: «Сашенька!.. Саша!.. Как я рад тебя видеть!..» А. Н. говорил ему «вы», «Федор Иванович», а Шаляпин обращался на «ты».

Заметим к слову, что наши выдающиеся современники высоко ценили музыкальный дар певца. Так, А. Трауберг вспоминает фразу Д. Шостаковича: «Ты понимаешь, что такое Вертинский? Он в сотню раз музыкальнее нас, композиторов». Ценили и его поэтический дар.

В. Катаев, «Ключик» упорно настаивал, что Вертинский — выдающийся поэт, в доказательство чего приводил строчку: «Аллилуйя, как синяя птица». Самое поразительное было то, что впоследствии однажды сам неутомимый Командор сказал мне, что считает Вертинского большим поэтом, а дождаться от Командора такой оценки было делом нелегким.

Раскормо «псевдонимы»: Ключик — это Юрий Олеша, Командор — Владимир Маяковский.

ОН БЫЛ не робкого десятка. В первую мировую ушел братом милосердия на фронт. Вернулся из эмиграции в Великую Отечественную — войну еще полыхала.

И за рубежом не боялся говорить, что думает. 1925 год. «У Днестра на зеленом лугу»: «О, как сладко, как больно сквозят слезы хоть взглянуть на родную страну...» («В степи молдавской»). Досталось ему от эмиграции и за «слезы», и за «взгляд». Позже эмиграцию расколола на два лагеря песня «О нас и о Родине», где есть такая строфа: «...И еще понять беззлобно, что свою, пусть злую, Мать все же как-то неудобно вечно в обществе ругать». Он вспоминал: «Какую бурю возмущения вызвала эта песня! Какой грязью обливали меня газеты!» А на концертах свистели, улюлюкали, бомбы со слезоточивым газом подкладывали...

ОН ВСЕГДА хотел вернуться на Родину. 1919 год: «...Я это понял, едва ступив на берег Турции».

Дважды Вертинскому казалось, что решение вернуться вот-вот получит. Дважды ему не отвечали, хотя первый раз ходатаем был А. В. Луначарский, второй — наш посол в Польше П. А. Войков. Третья попытка оказалась удачной. Однако в тот момент прогорел ресторан, который он номинально возглавлял; дама, вершившая финансовые дела (в которых А. Н., скажем прямо, весьма слабо разбирался), исчезла, и Вертинскому запрети выезд из Шанхая до погашения долгов. Было это в 37-м.

Судьба его, что ли, хранила?.. 7 марта 1943 года Вертинский еще раз испытал судьбу — обратился с письмом к Молотову: «20 лет я живу без Родины... Пустите нас домой...» На сей раз пустили, и в ноябре 1943 года А. Н. с двадцатилетней красавицей женой, тещей и только что родившейся Марианной вернулся в Советский Союз.

УСПЕХ россиянка за рубежом не новость. Что удивительного в том, что мир восторженно принял Анну Павлову, Рахманинова, Стравинского, Хейфеца, Шаляпина и многих других? Язык музыки и танца интернационален.

вспомнила, что каблук у нее были 6—7 сантиметров. В конце концов получилось 183 сантиметра. Но позже Валин назвал точный рост Вертинского: 185. А мы-то старались, считали...

ВЕРТИНСКИЙ пел: «Я усталый старый клоун, я машу мечом картонным...» Но меч его не был картонным. «Упадочное буржуазное искусство Вертинского» (таковы тогдашние формулировки) не было ни упадочным, ни буржуазным — оно было человеческим.

Нас многому учили. Например, такому: «Если враг не сдается, его уничтожают!» Но «не сдается» в каком смысле? А если он совсем не враг и просто думает иначе, его что — тоже к стенке?

Сатин в «На дне» возглашал, что жалость унижает человека; афоризм этот, как и многие другие, был начертан на сталинском знамени социализма и обсуждению не подлежал. По жалости цокали копыта коней в гражданскую, о ней не вспоминали в лихолетье «великого перелома», ее вытесняли в душах коваными сапогами Большого террора. Но вот пришла Великая Отечественная, засвистели пули, госпитали наполнились ранеными — и что же? Те, кто прошел фронт, помнят, сколько сестер милосердия — сестричек, как их звали, — нашли свою судьбу в тех, кого вынесли из огня, выходили, выныли, кого вернули к жизни. Что пришло кало суровых мужиков, прошедших огни и воды и не всегда — медные трубы, в сестричках, большей частью совсем не похожих на Любовь Орлову? Мне довелось выслушать сотни любовных историй того времени, и я понял, что навсегда привязывало мужчин к сестричкам — их жалость. Иначе — сострадание: чувство, с которым не всегда рождаются, но которое можно воспитать. Без которого человек не homo sapiens, а все еще homo ferrus — человек дикий.

Вертинский, мне кажется, воспитывал в людях сострадание — вот еще в чем секрет его искусства.

Вслушайтесь в строфу, поразившую К. Паустовского: «Утомленные зрители молча кутались в шубы, и какая-то женщина с иступленным лицом целовала покойника

Александр ВЕРТИНСКИЙ: судьба и песни

Но Вертинский, поющий по-русски...

На его концертах «бывали «сливки» всего мира»: Густав Шведский, Альфонс Испанский, Принц Уэльский, Король Румынский, Вандербильты, Ротшильды, Морган; «фильмовые знаменитости»: Чарли Чаплин, Дуглас Фербенкс, Мэри Пикфорд, Марлен Дитрих, Грета Гарбо — в темных очках, чтоб не узнали. Слова — кто их понимал? Но слушали, аплодировали, приходили еще и еще, приглашали на гастроли, отдавали лучшие залы. В чем дело? «Вертинский сам говорил, что у него нет голоса...» — писал Лев Никулин. Не было — оперного. Но, видно, было что-то, что забирало даже тех, кто слов не понимал. Риском предложить ответ, взятый не из фундаментальных трудов по музыке — из жизни: «душа поет». Разумеется, странно вспоминать такую эфемерную субстанцию в материалистическом обществе чуть не победившего атеизма, но, может, все же стоит?

Видевшие Вертинского на эстраде единодушно отмечают, что он был элегантен, «умел носить вещи», в частности фрак и смокинг, которые заменили давший костюм Пьеро. Казалось бы, деталь, мелочь. Но старые театралы знают, что это особый талант, что, начав перечислять тех, кто умел носить смокинг на сцене, первым делом называют Анатолия Кторовича из МХАТа, затем Никиту Подгорного из Малого театра — и запинаются. А Вертинский умел...

И еще — руки. «Он обладал искусством выразительного жеста», — пишет мемуаристка. Руки его могли мгновенно дать представление и о балетных оборотах маленькой балерины, и о луне, вставшей над розовым морем, и о голубом тюльпане, что растет на острове, и, кажется, обо всем на свете. Слова, слова, слова... Вертинского надо было видеть. В наш век биополей и экстрасенсов, возможно, что-то прояснит Анастасия Вертинская: она вспоминает, что у отца были большие и добрые руки, когда у нее болела голова, он клал ей руку на голову — и все проходило.

Но можно дать и совсем короткое определение: то был Артист, а это понятно всем без перевода...

Правда, судьба певца могла оказаться иной: он ведь поступал в Московский Художественный театр.

А. Вертинская. Его не взяли — он не выговаривал «р». Тогда папа огорченно сказал: «Ну, я же буду стараться...» В мемуарах он пишет, что много позже Станиславский после концерта пришел к нему за кулисы — жалел, что не углядел в нем артиста.

Вертинский очень хотел играть на драматической сцене, мечтал о Бароне в «На дне», что не было таким уж несбыточным желанием, если вспомнить Качалова: именно в этой роли он расцвел. Увы... Пожалуй, единственная роль (не считая немногих киноролей), какую он получил, — граф Данила в «Веселой вдове» Шанхайской оперетты; говорят, А. Н. был в ней великолепен.

Все, что видел Вертинского на эстраде, отмечали его огромной роль. Но что значит огромный? Пытаясь найти определение «цифровой эквивалент», мы с Лидией Владимировной долго высчитывали: изучали свадбную фотографию, отмечали, насколько выше она плеча А. Н. Поскольку свой рост я знаю, становился рядом, делала на мне «зарубки». Потом А. В.

ЮРИЙ ОЛЕША: «МЛАДШИЙ ПО РАНГУ, ОН ВСЕ ЖЕ СТОЯЛ В РЯДУ ТАКИХ ЭМИГРАНТОВ, КАК РАХМАНИНОВ, АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ, ПОЗЖЕ ШАЛЯПИН И ИВАН БУНИН». ЭТО — ОБ АЛЕКСАНДРЕ ВЕРТИНСКОМ. ВЕСНОЙ ИСПОЛНИЛОСЬ СТО ЛЕТ СО ДНЯ ЕГО РОЖДЕНИЯ, ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЕЛ ПЕРВЫЙ В РОДНОЙ СТОРОНЕ АЛЬБОМ — ДВА ДИСКА С ЗАПИСЬЮ ПЕСЕН. СЛУЧАЙ ВСПОМНИТЬ ТОГО, О КОМ В ПЕЧАТИ ПРИ ЖИЗНИ НЕ ВСПОМИНАЛИ СОВСЕМ, НИ РАЗУ...

в посиневшие губы и швырнула в священника обручальным кольцом». Это о мальчишках, посланных «на смерть беспощадной рукой». Вам не жаль их, так напоминающих наших мальчишек?.. Но подумайте, почему сегодня — на свой лад, не подражая ничуть — эту давнюю песню Вертинского поет Борис Гребенщиков? Не потому ли, что юнкера семнадцатого так напоминают наших мальчишек, тоже посланных «беспощадной рукой» и сложивших головы в Афганистане?

Вам не жаль их?

КОШЕК он любил, к домашней относился удивительно. Я видел Фаншетту на снимке: остренькая мордочка, в меру полосатая шкурка. Ничего, что может паразит воображение. Однако все утверждают, что Вертинский относился к ней уважительно — как к женщине. И если она лениво разваливалась на рукописи, он не брал ее за шиворот, чтобы сбросить со стола, а уговаривал уйти, объясняя, что ему надо работать.

И изумленные дочери видели пример. Впрочем, не единственный: тут была еще многолетняя баллада о Кле Кларфедоне. Этот кот трудился в меру сил: вначале в Елисейском гастрономе, затем — на мясокOMBинате имени Микояна. Нанимали его, естественно, ловить мышей, зарплату там и здесь выдавали горячо обожаемой печенкой. Но однажды Кларфедон поленился, мышей ловить не стал и съел незаработанную печенку. Что тут началось! Немедленно состоялось общее собрание трудового коллектива, выступил директор Сан Саныч: «Как вы могли, товарищ Кларфедон, воровать? Это же неприлично!» (Какова формулировка, а? «Неприлично!») Коту вынесли общественное порицание, он с удвоенной энергией принялся за мышей и — о чудо! — выловил всех, после чего за ненадобностью был уволен по сокращению штатов и уехал

Штрихи к портрету артиста

шен. Он пришел к директрисе, топал ногами и кричал, что пел для детей и деньги должны идти им. Я была смертельно перепугана, потому что никогда не видела его таким.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ рассказывала, что, когда в 1946 году Анна Ахматова читала в Политехническом стихи, зал встал и устроил ей овацию. Ахматова «походела от страшного предвостия», и не напрасно: по слухам, узнав об этом, Сталин спросил: «Кто организовал вставание?»

А Вертинского встречали овации, и он не холодел, не сжимался от страха. Почему? Один ответ мы имеем, даже два.

На первом же московском концерте в ВТО был Василий Сталин, в антракте с ним разговоривал С. Гуракий, фотокорреспондент «Известий», и Василий ему сказал, что у отца есть пластинки Вертинского, он его любит и, когда устает, заводит «В синем и далеком океане».

Второе. Проект известного Постановления 1948 года о музыке, где целый абзац посвящен Вертинскому. Жданов принес Сталину. Тот молча прочитал текст, молча перевернул абзац, посвященный Вертинскому, потом сказал: «Дадим артисту Вертинскому спокойно дожить на Родине».

Можно сказать: слухи. Можно... Но тогда трудно объяснить, почему, в самом деле, «яркий представитель буржуазного искусства» не попал в Постановление. Почему не было ни одной разгромной статьи о нем, хотя, казалось бы... Почему на любом собрании в конце сороковых — начале пятидесятых, где яростно обличали всех и вся, «декадента» Вертинского не упоминали ни разу? Почему, едва кто-нибудь напоминал, что «хорошо бы и Вертинского...», кто-то обязательно поднимался и спокойно бросал: «Вертинского не трогать»?

Мало того, снявшийся в 1950 году в фильме «Заговор обреченных», Вертинский получил Сталинскую премию. Неслышанно — за Кардинала, отрицательную роль.

У палачей тоже есть свои капризы — уцелел же Пастернак, осталась жива Ахматова...

МНОГО юмора в его стихах. «Грустит в углу ваш попугай Флюбер, он говорит «жам» («нет») и плачет по-французски» («Попугай Флюбер»). О мышонке: «Я кормлю его кеком и старыми сплетнями» («О шести зеркала»). «Смерть придет от Прюнье. От испорченных устриц и пива. Тело бренно, конечно. Зато ведь бессмертна душа» («Парижанка»). И т. п.

А в жизни это был феерверк остроумия, выдумки, мистификатор. Наталия Ильина, знавшая Вертинского в Шанхае довоенной поры, вспоминает: «Однажды (он) заявил, что не мог под утро заснуть и явственно слышал разговор кошек на крыше: «Маррус!» — говорил кот. «Я не Маррус, а Барвара!» — отвечала кошка».

Перед концертами все исполнявшиеся песни, как водится, должны были получить «лито». Цензор нахмурился: «Песня называется «Палестинское танго» — так нельзя». «А текст — можно?» — спрашивал артист. «Текст — да. Но название...» «Ну что ж, — вздохнул певец, — назовем иначе... «Аравийская песня» подходит?» Подошло...

Вертинский шутил с серьезным лицом, без улыбки, на театральном жаргоне: «не колосся». Это иногда вводило в заблуждение. Наверное, не однажды одна из остроумнейших женщин «купила» именно так: она встретила А. Н. возле Елисейского гастронома, в руке у него был пакетик с чем-то съестным. «Можете себе представить», — сказал он, — тут нет вестфальской ветчины! Мало того! О ней тут даже не слышали!» И автор прекрасных фельетонов, старый друг певца, приняла шутку всерьез: «Все тот же. Барственная

осанка, грассирует, и вестфальской ветчины ему не хватает, гурману!»

А дело ведь было летом 1948 года, только что отменили карточки, почти пять лет, как Вертинский вернулся и уже отлично знал, что не только вестфальской ветчины — еще много нет в родном отечестве.

«Мне уже много лет,— говорил А. Н. молодой жене в 43-м, когда возвращались, — но все равно: в стране двести миллионов, и, когда я перестану петь, будут крутиться мои пластинки. Какие у меня будут авторские! Я обеспечу тебя и детей на всю жизнь». Увы, все оказалось куда проще: не было авторских, потому что не было пластинок. Правда, вскоре после приезда ему позвонили и сказали: «Члены правительства очень хотят вас послушать, но не могут пойти на концерт — война. Запишите ваши песни, мы выпустим всего 50 экземпляров — только для членов правительства, а там посмотрим».

Вертинский напел 15 вещей и смирился с тем, что никакого гонорара за 50 дисков не полагается. Но кончилась война, и он вдруг узнал, что его пластинки выпускают огромными тиражами и продают за рубежом — стране нужна была валюта; потом стали продавать и у нас. А. Н. робко напомнил об авторских — ему заплатили мелочь. Интересная деталь: в магазине на Неглинной, чтобы купить диск Вертинского, надо было прежде сдать в бой 4 (по другим сведениям — 10) любые пластинки. Покупали и тут же были самые дешевые — какой-то «нехороший» хор. Потом удивлялись: хор идет нарасхват. И заказали новый тираж пластинок — хора...

Много позже разрешили записать еще 6 песен. И все. 21 из двухсот. Из тех же двухсот цензура разрешила исполнять в концертах только 30...

Ему очень нравился «Степан Разин» Цветаевой. До того нравился, что он написал симфоническую балладу — минут на 15 — и с пианистом Георгием Ротом аранжировал ее. Для исполнения требовалось 8—10 музыкантов. Не дали.

Известно: нет пророка в доме своем. Только почему?

Словом, А. Н. скоро все понял. Вывода он сделал два. Для жены: «Ты хорошо рисуешь — иди учиться, потому что я тебя обеспечить не смогу». Так и случилось: Лидия Владимировна окончила суриковский институт и стала художником-графиком. Для себя: надо зарабатывать на жизнь. И началась гонка, начались гастроли, продолжавшиеся все годы — до конца.

Вертинскому установили норму — 24 концерта в месяц. Как всем артистам без звания. У нас все равны — чего обижаться? «Разве можно планировать пение птиц? Это же невозможно!» — говорил Вертинский. Но кто его слушал? Хорошо, пусть — 24, но тогда гастролировать нужно по стране, в поездках ставки выше — решил А. Н. Руководитель Гастрольного не возражал. И посылали его на Дальний Восток и в Сибирь — почему-то зимой, в пятидесятиградусные морозы, и в Среднюю Азию — почему-то летом, в пятидесятиградусную жару. Возили его на самолетах — салоны не отапливались, было минус 35; на открытых «джипах». А у Вертинского начиналась грудная жаба...

Из письма: «У меня были припадки удушья, и я рвал на шее ворот рубахи, не имея возможности дышать».

Из письма: «Главное — дети. Мне 59 лет, как они вырастут, доживу ли я до этого, как их обеспечить? Все это мучает меня и терзает дни и ночи...»

Из записей: «Закрой глаза! — шепчет мне внутренний голос. — Иначе погибнешь...» И я закрываю их. На многое. Чтобы спастись. Чтобы жить. Суживается круг». Это записи 1949 года, к тому времени он давно уже понял все...

Он вернулся триумфатором и остался им до конца. Трудно представить себе, что творилось на концертах того, чье имя до недавнего времени даже опасно было произносить вслух. На фотографиях тех лет с Вертинским снимаются все, кто был и остался гордостью отечественной культуры, — не хочу называть кого-то, чтобы не обидеть остальных, а весь список — не для статьи в газете. На концертах залы были забиты битком, люди стояли в проходах, сидели в нескольких рядах на сцене.

А афиш не выпускали, за 14 лет после возвращения о Вертинском в печати не появилось ни слова. Он был — и его как бы не было. За несколько месяцев до смерти артист писал тогдашнему заместителю министра культуры СССР: «Большие люди за 13 лет, что я нахожусь в Союзе, ни разу не удостоились меня послушать! Где-то там... наверху все еще делают вид, что я не вернулся...» Между тем я есть! И очень «есть!».

Интересны четыре вопроса, которые он задал в том письме: «1. Почему я не пою по радио? Разве Иван Монтан, языка которого никто не понимает, ближе и нужнее, чем я?» «2. Почему нет моих пластинок?» «3. Почему нет моих нот, моих стихов?» «4. Почему за 13 лет нет ни одной рецензии на мои концерты?»

Вот итоговая фраза: «Меня любил народ и не заметили его правители!» КОГДА дочери спрашивали отца, за что он любил кошек, А. Н. отвечал: «Благородные животные, кошки не умирают дома. Я тоже хотел бы так умереть». Он и умер так — 21 мая 1957 года в Ленинграде, после концерта. В 28 лет он написал: «Наши сердца, как перчатки, изношены» («Тей, моя девочка») — то была, конечно, поэма. Но в 68 лет строка оказалась пророческой — сердце разорвалось...

Александра Вертинского не стало, вместе с ним умер и созданный им жанр.

Были и до него яркие таланты, будут и после, но такого, как он, — нет.

Сейчас кто-то пытается петь его песни — «под Вертинского». Но подражать беспечно, повторить невозможно. Наличную копию не выдать за ушедший оригинал...